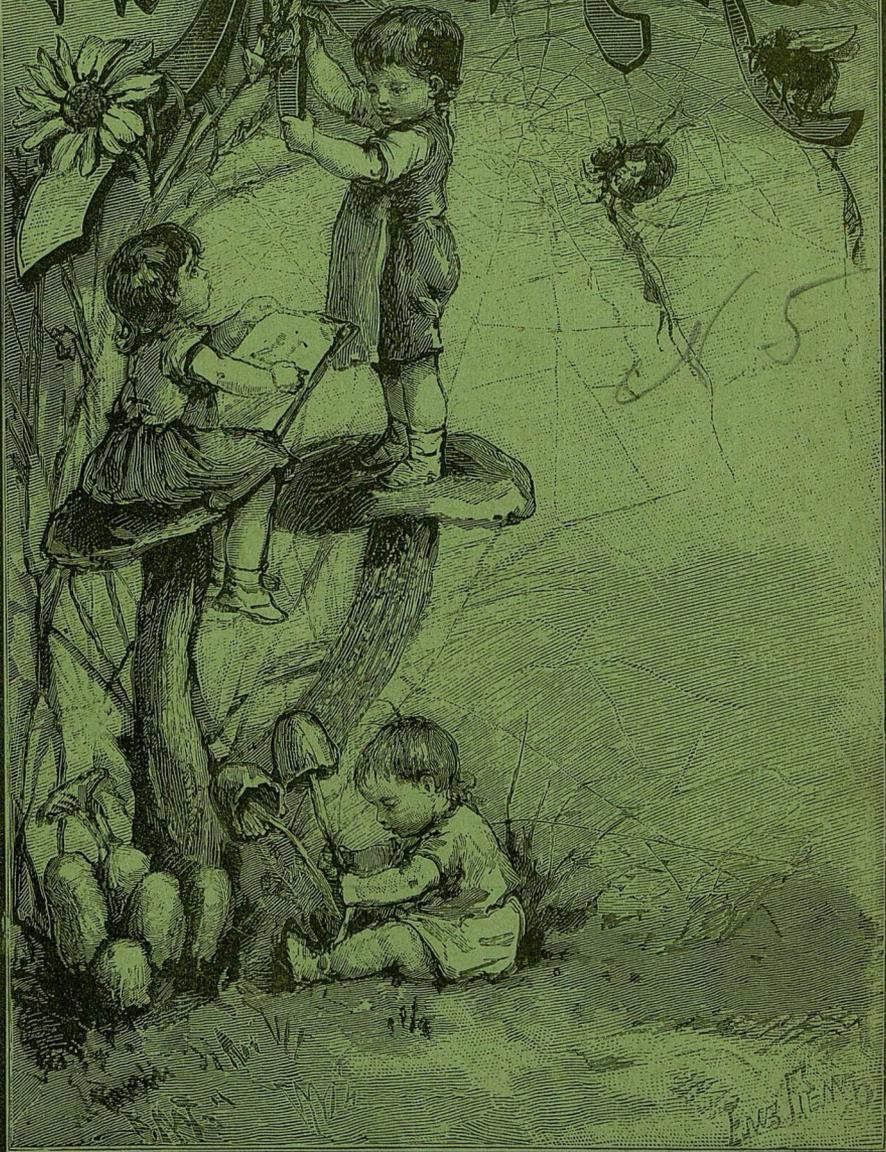

ДЛЯ НАЧАЮЩИХЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

ОСОБЫЙ ОТДѢЛЬ

журнала «ИГРУШЕЧКА»

1895.

МАЙ № 5.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Я все знаю. Сказка. Съ тремя рисунками въ текстѣ. <i>Бумъ-бумъ</i>	65
II. Какъ Витя играетъ съ мамой. <i>Евладіи Лукашевичъ</i>	70
III. На извозчикѣ. Съ рисункомъ, <i>Ея же</i>	73
IV. Послѣдній. <i>Ал. Алтаевъ</i> (псевдонимъ).	76
V. Палины сказки. Храбрые медвѣжата. <i>Зика</i>	79
Картинка на отдѣльной страницѣ: Не все коту масляница.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Фурштатская, д. № 44.

Я ВСЕ ЗНАЮ.

Сказка.

— Я все знаю, — говорила съ увѣренностью мышка своей бабушкѣ, — вы меня, пожалуйста, не учите, я все знаю.

— А я думаю, что ты ровно ничего не знаешь, если такъ увѣренно говоришь. Я уже стара и много видѣла на свѣтѣ, но сказать, что я все знаю — не могу.

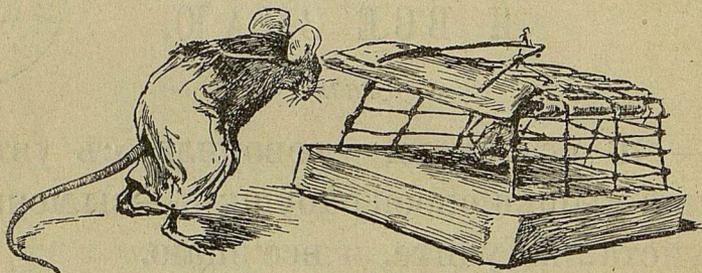
— Знаю, знаю, вы хотите запугать меня котомъ «Рябчикомъ», который постоянно сидитъ въ кладовой, мурлычить себѣ подъ носъ и щурить глаза. Да! Я его сама прекрасно знаю. Отвратительный котъ! Кормить его досыта печенкой, сливками поять, кажется, больше въ ротъ ничего не лѣзетъ...

А вздумай-ка кто изъ насъ въ кладовую прибѣжать да разсыпанной крупкой попитаться, сейчасъ вытянется въ струнку, сдѣлаетъ прыжокъ и придавитъ тебя лапой. И ѣсть не будетъ, а только мучить начнетъ...

— Шустрая ты у меня больно. Сорви голова!

На этихъ словахъ бабушка и внучекъ разстались.

— Что это за домикъ? — проговорила

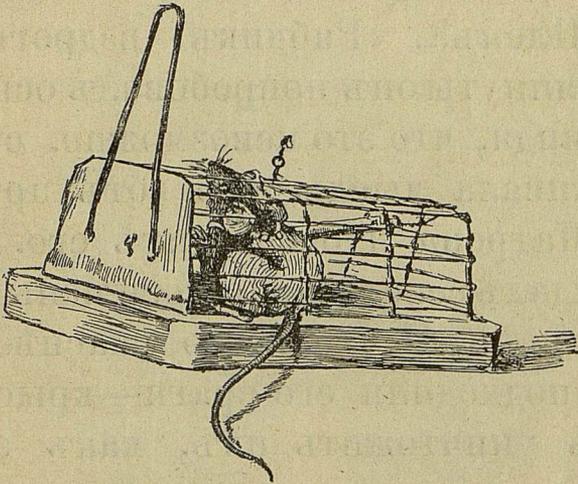
мышка, подбѣгая къ мышеловкѣ. — Точно маленькая кладовая, какъ хорошо пахнетъ. Вѣрно, кухарка приготовила для своего любимца въ этомъ домикѣ закуску! Хорошо пахнетъ!

Подумавъ еще немножко, мышка собралась, было, бѣжать, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, снова остановилась.

— Станный домъ! И дверь почему-то открыта. Только какъ же это... А вдругъ когда

я въ него войду, «Рябчикъ» пожалуетъ! Что будетъ тогда? Бабушка мнѣ говорила о какой-то ловушкѣ... Это что-нибудь другое, это не ловушка, а домикъ! Разъ, два...

И мышка храбро въ него вошла; но не успѣла хорошенько осмотрѣться, какъ вдругъ шлепъ...

— Это еще что такое?! — закричала мышка и начала стучаться въ дверь.— Отворите, пустите! Это я такъ... Я ничего не тронула. Я думала, что это просто домикъ.

Долго бѣгала мышка по домику, толкала мордочкой дверь, но дверь не поддавалась.

— Да, бабушка была права: я многого еще не знаю... А тамъ, около стѣны, тамъ еще такой же домикъ, только большой...

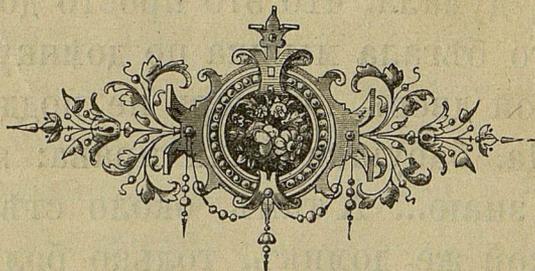
Вдругъ видить мышонокъ, что къ большому домику подходитъ самъ «Рябчикъ». Онъ становился, потянулся и началъ вдыхать въ себя вкусный воздухъ.

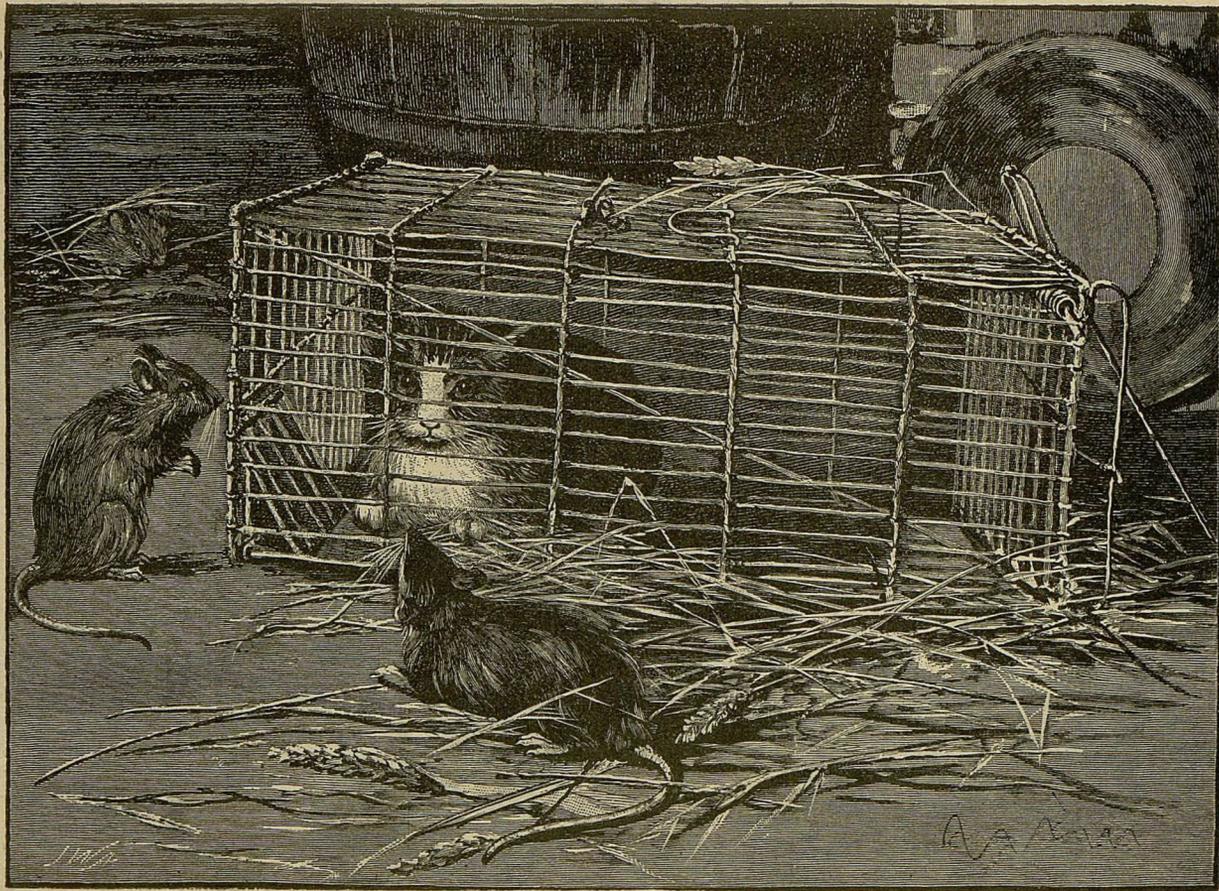
— Чудно пахнетъ!—сказалъ «Рябчикъ», ни къ кому не обращаясь. — Кажется, на крючкѣ виситъ гусятина...

И не долго думая, онъ вошелъ въ мышеловку. Шлепъ!.. «Рябчикъ» вздрогнулъ. Въ первыя минуты онъ попробовалъ освободиться, но видя, что это невозможно, сѣлъ. Его поддерживала мысль, что вотъ придетъ кухарка Матрена и освободитъ его. Но пока онъ ожидалъ ее, ему пришлось испытать чувство безсилія. И что всего ужаснѣе, къ нему близко подходили его враги—крысы, и онъ не могъ уничтожить ихъ, какъ это было ранѣе.

— А, это ты! — воскликнула старая крыса, подойдя къ самой ловушкѣ...—Пора, пора... Не все бываетъ масляница.

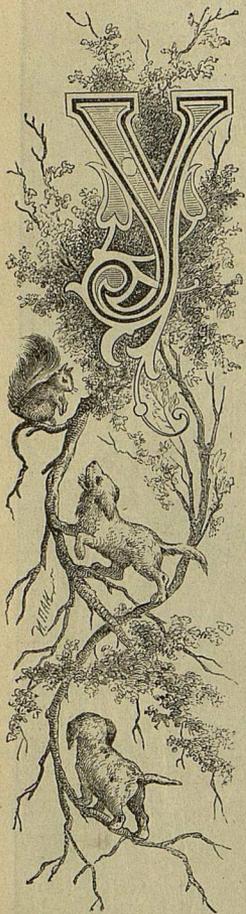
Бумъ-бумъ.

Не все коту масляница.

КАКЪ ВИТЯ ИГРАЕТЪ СЪ МАМОЙ.

I.

тро. Витя торопится одѣваться. Ему надо быть готовымъ раньше мамы. Мама какъ разъ напьетса чаю и уйдетъ на службу; пожалуй, и поиграть они не успѣютъ... Значить, нельзя терять дорогое время...

Мальчикъ одѣлся, умылся, поцѣловаль маму и напился молочка; потомъ бросился скорѣе въ дѣтскую и сталъ укладывать въ корзинку кубики, разныхъ звѣрей и даже безногую лошадь сунулъ туда; затѣмъ онъ завязаль корзинку какой-то тряпкой, поставилъ на голову и появился въ дверяхъ маминой комнаты.

Мама у зеркала причесываетъ голову.

— Барыня, а барыня, разносчикъ пришелъ!—говорить Витя.

— Что ты продаешь, разносчикъ?—спрашиваетъ мама.

— Всякую дичь, телятину, баранину, цыплятокъ... Купите, барыня... Товаръ отмѣнный.

— У тебя все дорого, разносчикъ.

— Нѣтъ, не дорого! Купите пожалуйста.

— Ну, покажи, что у тебя есть!

Витя, подражая настоящему разносчику, ловко спускаетъ корзинку на полъ, быстро развязываетъ, достаетъ безногую лошадь и подносить мамѣ.

— Это что же?—спрашиваетъ она.

— Телятинка, барыня. Пожалуйста... Товаръ отмѣнный!..

— Почему?

— Десять копѣекъ.

— Ишь какъ ты запрашиваешь! Это дорого!

— Ну такъ двадцать копѣекъ... Я уступлю...

Мама улыбается.

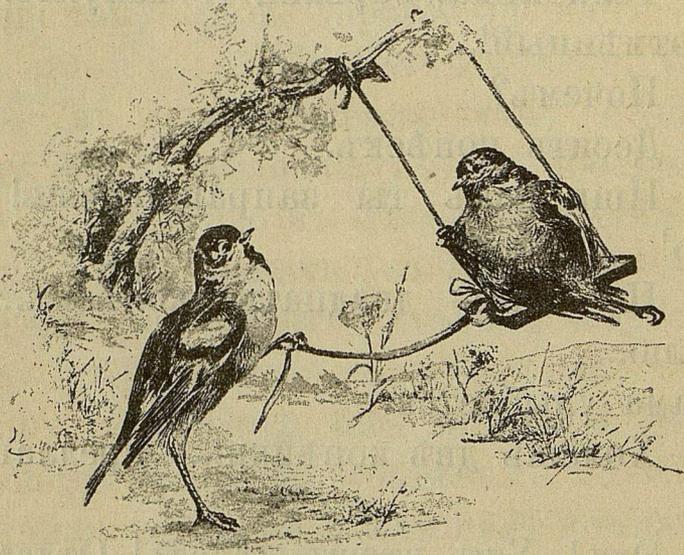
— Хочешь двѣ копѣйки...—предлагаетъ мама.

— Эхъ! Ужъ чтожъ дѣлать! Отдамъ по вашей цѣнѣ...—говоритъ маленькій торговецъ и даже съ отчаяніемъ машетъ рукой, какъ это дѣлаетъ на кухнѣ настоящій, большой торговецъ.

А мама смѣется, подбѣгаетъ къ нему, схватываетъ его на руки и начинаетъ крѣпко цѣловать.

— Мамочка, мамочка, что ты дѣлаешь?! Вѣдь ты же барыня, а я торговецъ!..— кричитъ Витя.

Мама отпускаетъ своего дорогого торговца. И Витя пресерьезно начинаетъ связывать корзинку.

II.

«НА ИЗВОЗЧИКЪ».

Витя надѣлъ синій кафтанъ, ямщицкую шапку съ павлиньими перьями и повязался краснымъ кушакомъ. Вышелъ онъ съ мамой на улицу... Молодецъ да и только!

— На извозчикъ поѣдемъ, мамочка? — спрашиваетъ онъ.

— А пѣшечкомъ не хочешь ли?

— Нѣтъ, мамулинька, на извозчикъ... Вѣдь къ тетѣ далеко... Я устану...

— Ну, нанимай извозчика.

— Извозчикъ, извозчикъ, свези насъ, пожалуйста къ тетѣ...

— Пожалуйста, маленькій барченокъ... Пожалуйста... Садитесь, да не торгуйтесь... Свезу куда хотите... — и извозчикъ засмѣялся.

— На Васильевскій островъ — сорокъ копѣекъ, — сказала мама.

Сѣли и поѣхали.

Лошаденка попалась худая, хромоногая, бѣжитъ-спотыкается...

— Но!.. Но!.. Вотъ я тебѣ, лѣнивая!.. — кричитъ извозчикъ, взмахиваетъ кнутомъ и хлещетъ лошадь по худымъ бокамъ.

— Извозчикъ, не бей лошадь! Неужели тебѣ не жаль бѣдное животное?—замѣчаетъ мама.

— А чего ее жалѣть...—ворчитъ извозчикъ.

Бдуть. Лошаденка хромаетъ, еле бѣжить, паръ отъ нея такъ и валить.

— Ишь ты несуразая!.. Вотъ я тебѣ!.. — сердится извозчикъ, дергаетъ возжи и опять хлопъ кнутомъ.

— Извозчикъ, вѣдь тебѣ же сказала моя мамочка—не бей лошадку... Ей больно! — говоритъ взволнованный Витя, а самъ вопросительно поглядываетъ на маму. Та только качаетъ головой.

Лошадь тяжело дышетъ, готова совсѣмъ остановиться. Извозчикъ помахиваетъ кнутомъ и хлопъ, да хлопъ...

— Ну, извозчикъ, мы съ мамой не будемъ тебя любить... И никогда, никогда больше тебя не найдемъ... Очень не хорошо такъ бить лошадку,—дрожющимъ голосомъ заявляетъ Витя.

Извозчикъ молчитъ.

Пріѣхали, остановились; мама расплачивается съ извозчикомъ, а Витя жалостливо смотритъ на лошадь. «Бѣдная! Какая она худая! Дрожитъ, вспотѣла, тяжело дышетъ и глаза закрываетъ»...

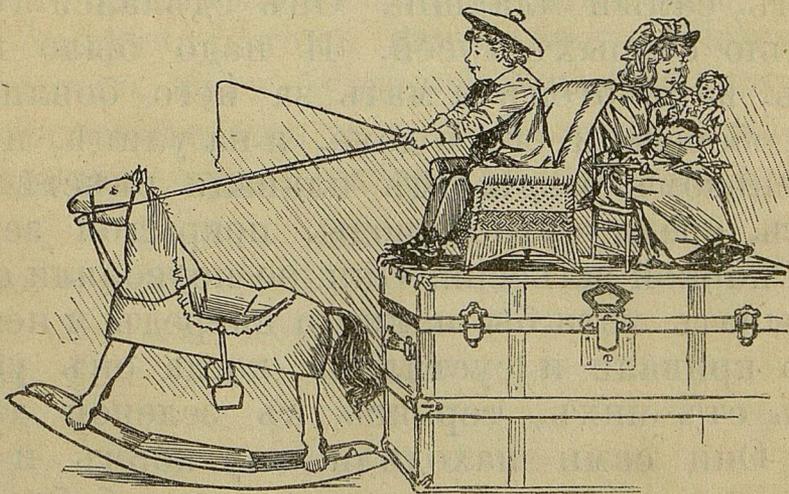
— Мамочка, позволь мнѣ погладить лошадику морду?—проситъ мальчикъ.

— Погладь,—отвѣтила мама, приподымая Витю. А бѣдное животное грустно посмотрѣло въ сторону мальчика своими умными глазами и замотало головой.

— Кланяется?!—удивился Витя.

— Это она тебя благодаритъ за то, что ты за нее заступался...—сказала мама.

Клавдія Лукашевичъ.

ПОСЛѢДНІЙ.

Это совсѣмъ простая исторія. Ихъ была добрая любящая пара гусей, единственная пара у старой бабушки Авдотьи. Весною они вывели десять гусятъ, пухлыхъ какъ комочки желтой шерсти. То-то была радость! Они оба, отецъ и мать, хлопали крыльями отъ восторга и ужасно кричали.

— Га-га-га! га-га-га! — радостно раздавалось во всѣхъ углахъ крошечнаго дворика. И родители были счастливы, высиживъ такихъ отличныхъ гусятъ. Но прошло немного времени, и гусята умерли, всѣ, кромѣ одного. Отчего они умерли, трудно сказать, и никто этого не зналъ, даже сама бабушка Авдотья. Остался только одинъ, самый младшій. Онъ сдѣлался гордостью старыхъ гусей. И надо было видѣть, какъ отецъ и мать за него боялись! Они оберегали его и дома, и на улицѣ, и на маленькомъ озерѣ, гдѣ плавали вмѣстѣ съ нимъ, среди мутной воды, покрытой зеленой коркой плѣсени. Они не позволяли ему уплывать хотя бы немного впередъ, и неистово кричали и суетились, когда онъ убѣгалъ отъ нихъ, теряясь въ зеленой травѣ. Они сами находили ему кормъ и не подпускали къ нему никого, даже бабушку Авдотью. Маленькій гусенокъ, изнѣженный,

любимый, ласкался и къ матери, и къ отцу, а когда къ нему подходили куры, кричалъ и бѣжалъ со всѣхъ ногъ къ старымъ гусямъ. Такъ сталъ онъ подростать; шея вытянулась длинная-длинная, и онъ смѣшно неуклюже ступалъ, полувзрослый, полугусенокъ. И вдругъ гусенокъ заболѣлъ. Родители не могли узнать, отчего онъ захирѣлъ, какъ и тогда, когда умерли ихъ девять гусятъ.

Они смотрѣли съ недоумѣніемъ, какъ на ихъ глазахъ таялъ послѣдній гусенокъ... послѣдній! Сначала онъ пересталъ щипать траву и вяло плелся за гусями, потомъ онъ отсталъ отъ нихъ и, наконецъ, совсѣмъ свалился, упалъ тутъ же, среди мягкой зеленой травы, у канавы. Старые гуси растерянно остановились, постояли надъ нимъ съ минуту, потомъ замечались, закричали отчаянно, какъ будто призывая на помощь. И гоготанье ихъ до того было ужасно, что раздирало душу; казалось, они плакали.

А гусенокъ лежалъ, вытянувъ длинную, тонкую шею, и тяжело дышалъ. Такъ онъ лежалъ здѣсь весь день, весь жаркій день, безъ капли воды въ пересохшемъ горлѣ, а отецъ и мать стояли надъ нимъ, громко крича. Они не отходили отъ него до вечера, какъ два сторожа, въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, и маленькій гусенокъ съ благодар-

ностью смотрѣлъ на нихъ угасающими глазами... Онъ умиралъ... Когда солнце сѣло, онъ лежалъ уже неподвижно на землѣ и больше не слышно было его тяжелаго дыханія.

Тогда старые гуси принялись такъ кричать, какъ будто ихъ гусиное сердце рвалось на части. Этого крика не могла перенести старуха Авдотья, она бросила работу и съ ворчаньемъ вышла на улицу.

— И чего разгоготались?—сердито ворчала она, махая платкомъ.

Бѣлыя птицы не двигались, какъ будто приросли къ мѣсту. Старуха нагнулась и увидѣла на травѣ мертваго гусенка.

— Это десятый!—закричала она съ сердцемъ и, поднявъ его, понесла въ уголокъ къ сажалкѣ.

Бѣлыя птицы медленно шли за нею, молчаливыя, важныя и печальныя. Старуха выкопала неглубокую яму такъ, чтобы могъ помѣститься въ ней мертвый гусенокъ, опустила его и засыпала землею. И два бѣлыхъ гуся стояли надъ ямой, какъ два сторожа, схоронивъ свое дѣтище. А потомъ они медленно пошли прочь и поплелись дальше, едва передвигая ноги, усталыя и больныя. Головы ихъ низко клонились къ землѣ; они пришли подъ навѣсъ и тамъ сиротливо пріютились, прижавшись другъ къ другу. Онъ умеръ, ихъ послѣдній умеръ!.. Тяжело было имъ...

Ал. Алтаевъ (псевдонимъ).

ПАПИНЫ СКАЗКИ.

Храбрые медвѣжата.

Шелъ лѣскомъ-дорожкой молодой парень изъ одной деревни въ другую домой. Звали его Васюта шустрый. Напала на Васюту медвѣдица, большая, да косматая, обхватила его когтистыми лапами, положила на плечо и понесла къ своимъ дѣткамъ, двумъ медвѣжатамъ. Тутъ она его бросила на землю, привязала веревкой къ камню и велѣла медвѣжатамъ стеречь и не отвязывать, а сама пошла опять на охоту, медъ воровать—любитъ Марья Потаповна медъ.

Медвѣжата очень обрадовались гостю, лазили къ нему на спину, гладили лапами, прыгали по немъ, кувыркались и тормозили, потомъ ухитрились снять съ Васюты сапоги,—и ну съ ними шалить: то на переднія лапы надѣнуть, то на заднія, а потомъ и на голову, и смѣются, что темно; тянули, тянули, да такъ надѣли сапоги, что съ головы-то снять не могутъ. Заплакали косолапые, заревѣли, взяли другъ друга подъ переднія лапы и побѣжали вонъ изъ берлоги.—«Мама, помоги, сними съ насъ сапоги, темно намъ, душно намъ!»—заголосили медвѣжата. Услышала медвѣдица, побѣжала на зовъ, смотритъ—идетъ какое-то чудовище, точно

человѣкъ кверху ногами—сапоги мелькаютъ въ воздухѣ. Перепугалась медвѣдица, а потомъ догадалась, что, вѣроятно, Васюта обмануть ее хочетъ, идетъ вверху ногами, взвалила его на плечи и понесла въ берлогу и тутъ только увидѣла, что она принесла медвѣжатъ, отшлепала ихъ хорошенько лапой и приказалъ не шалить, а сама ушла. Не сидѣлось на мѣстѣ шалунамъ. «Давай еще шалить», — говоритъ одинъ. — «А шлепки забылъ!» — предостерегаетъ другой. Видятъ они, что Васюта совсѣмъ, какъ неживой, лежитъ не пошевелится, отвязали его и начали поднимать на четвереньки, чтобы показаться на немъ. Васюта догадался, и они очень обрадовались, когда онъ ихъ покрѣпче къ себѣ привязалъ, чтобы не падали со спины. Выбѣжалъ Васюта изъ берлоги на четверенькахъ, да какъ пустится бѣжать со всѣхъ ногъ. Медвѣжата отъ радости взвыли, а Васюта бѣжалъ, да бѣжалъ—и домой прибѣжалъ, медвѣжатъ со спины снялъ, привязалъ на веревочку и далъ имъ поѣсть. Тутъ только они спохватились, что нашалили, да было уже поздно.

Зика.

